

Свечи тускло мерцали, словно их не зажигали, луна скрылась за чёрными облаками, и, словно снова восходящее солнце, свет озарил весь Пинчэн, сделав его ярким, как день.

Цзян Чанлань выплюнул кровь.

Цзян Цзинсин не хотел причинить ему вред, но даже случайно вырвавшаяся энергия и меч смогли заставить Цзян Чанлана, который вот-вот должен был войти в половину великого мастера, выплюнуть кровь. Что уж говорить о вожде племени? Что уж говорить о людях двенадцати племён и солдатах в Пинчэне?

Только Се Жунцзяо оставался невредимым.

Он изучал Меч Благородства, как и Цзян Цзинсин, и легко почувствовал, что весь город был наполнен энергией этого меча.

Цзян Цзинсин нанёс один удар мечом, но этот удар был далеко не просто стометровым белым радужным лучом.

Весь Пинчэн был его Мечом Благородства.

В его сердце была ци Благородства, и поэтому она была везде; раз она была везде, она, конечно же, была и в Пинчэне.

Ци Благородства Пинчэна полностью превратилась в его меч.

Как вождь племени мог отступить? Если он не отступит, как он сможет отразить стометровый белый радужный луч и весь городской Меч Благородства?

Как могли подойти на помощь люди двенадцати племён и солдаты?

После удара мечом Цзян Цзинсин сделал лёгкий толчок.

У него были тысячи мечей, которые он мог использовать по своему желанию, и тысячи вариантов для последующих ударов.

Но он нанёс только один удар, и этот удар был простым и спокойным.

В этом ударе было тысячи мечей.

Энергия вокруг вождя племени бурлила. В его текущем состоянии он мог голыми руками пробить защиту великого мастера и разорвать его пополам одним ударом; мог отразить стрелы в ливне из тысяч стрел, не получив ни царапины; мог разрушить гору одним ударом и расколоть землю.

Всё это было ему по силам.

Но перед мечом Цзян Цзинсина это было слишком мало.

Цзян Цзинсин не нанёс второй удар. Одним ударом он исчерпал всё, что мог в мече, и не было необходимости наносить второй удар, да и второго удара больше не было.

Мир делится на Девять Областей и Четыре Диких племени, в нём есть десять этапов Небесного человека, но только один Святой этап.

За последние двести лет появился только один Святой этап.

Перед смертью вождь племени понял, почему Святой этап называется Святым этапом и почему он считается первым в мире. В этом действительно была своя логика.

Но перед смертью он всё ещё не мог понять одну вещь:

— Как ты посмел...

Он и Моло отправили двенадцать великих мастеров, чтобы перехватить Три Секты Южного региона и Дом Чжоу. Три группы потерпели неудачу от одного мастера меча, а четвёртая, которая должна была атаковать Секту Будды, столкнулась с Се Жунхуа.

Из двенадцати великих мастеров вождь племени отправил восемь, и вернулись только трое. Вождь племени был настолько расстроен, что готов был потерять половину своей жизни, и, не обращая внимания на возможный разрыв с Моло, гневно воскликнул:

— Кто этот мастер меча? Это Цзян Цзинсин? Если ты хочешь сотрудничать, то расскажи мне всё здесь и сейчас.

— Что, если это он? Что, если нет? — спокойно ответил Моло. — Важно ли, что это Цзян Цзинсин или запасной план Наставника государства Северной Чжоу? В конце концов, Цзян Цзинсин — всего лишь псевдо-Святой.

Последнюю фразу Моло намеренно растянул, и голова вождя племени загудела от этого неожиданного заявления.

Он долго не мог прийти в себя, прежде чем нашёл голос:

— Ты говоришь, что он псевдо-Святой, и это всё, что у тебя есть? Просто слова, не более того. Может быть, он вообще не достиг Святого этапа?

Моло многозначительно улыбнулся:

— Не стану скрывать от тебя, брат. Я говорю, что Цзян Цзинсин — псевдо-Святой, потому что у меня есть доказательства. Если ты не слишком занят, может быть, пойдёшь со мной в Западную Пустошь?

Вернувшись из королевского города Западной Пустоши, вождь племени был полон уверенности.

Что, если это Цзян Цзинсин? Что, если это запасной план Наставника государства Северной Чжоу?

Это была всего лишь бесполезная борьба, которая неизбежно приведёт его к тому, чтобы стать первым Святым этапом.

А Моло?

— Это ты должен спросить у Моло. — Цзян Цзинсин сжалился, решив дать вождю племени умереть с пониманием. Он вздохнул:

— Выбирать союзников нужно с умом, разве ты этого не понимаешь?

На этот раз вождь племени, похоже, действительно умер с открытыми глазами.

Его голова была отрублена мечом Бацзи, подброшена высоко в воздух, а кровь разлилась по земле.

Се Жунцзяо начал верить в одну из историй, которые Цзян Цзинсин рассказывал в своих повествованиях.

Он говорил, что Святые — это самые великие люди в мире.

И они действительно должны быть самыми великими.

Меч Бацзи был слишком быстр и жесток, голова вождя племени была подброшена слишком высоко, и зрение практикующих было намного острее, чем у обычных людей. Каждый, кто находился вокруг королевского шатра и знал, как выглядит вождь племени, мог узнать, чья это голова.

Вожди племён, сидевшие в шатре, разбежались в неизвестном направлении.

Они не были глупы, и, даже если на мгновение оцепенели, быстро пришли в себя.

— Цзян Цзинсин осмелился так нагло вести себя в королевском шатре Восточной Пустоши. Как мы можем позволить ему это?

Кто-то презрительно усмехнулся:

— Говоришь красиво, но ты ведь знаешь, что если ты соберёшь гарнизон Пинчэна, то нам придётся пожертвовать всеми нашими солдатами и своей жизнью, чтобы его остановить.

— Стоит ли оно того?

Они не собирались обсуждать, стоит ли убивать Святого, который пришёл сюда, чтобы устроить беспорядки. Сначала им нужно было сохранить свои жизни, чтобы не быть убитыми Святым.

Даже если они хотели использовать оправдание, что мстят за невинно убитого вождя племени, им сначала нужно было собрать свои племена и создать армию, прежде чем думать о том, стоит ли воевать со Святым.

Что касается вождя племени — он умер, и это его вина, что он оказался слабее. В Восточной Пустоши убийство и смерть от рук других были самым обычным делом.

Цзян Цзинсин схватил Се Жунцзяо и крикнул Цзян Чанланю:

— Пошли!

Он создал слишком большой шум, и в Пинчэне все знали о событиях в королевском шатре, поэтому тех, кто хотел их остановить, было немало.

Они, возможно, не хотели мстить за погибшего вождя племени, но были полны решимости показать, что «земли Восточной Пустоши не место для твоих выходок», и бросались на них поодиночке или группами.

К счастью, чем выше уровень мастерства, тем больше люди ценят свою жизнь, и они не стали

бы рисковать ею ради таких глупостей. Люди двенадцати племён редко действовали без приказа своих вождей.

Что касается вождей, половина из них уже сходила с ума, спеша в королевский город, чтобы бороться за место следующего вождя племени.

Когда дерево падает, обезьяны разбегаются.

Гарнизон города насчитывал сто тысяч человек, по меньшей мере пятьдесят-шестьдесят тысяч из них охраняли королевский шатёр. Даже если бы каждый десятый из них сошёл с ума, это было бы трудно вынести.

Кроме того, дикари были более склонны к вспышкам ярости, чем другие.

К счастью, отряд Армии Гуйюань, сопровождавший их, состоял из опытных бойцов, которые не боялись никого. Они действовали слаженно, и, благодаря мечу Цзян Цзинсина, те, кто видел его удары, вспоминали ужасный белый радужный луч над королевским шатром, и большинство разбегались, чтобы не стать жертвами меча.

Никто не хотел умирать. Они находились далеко и не видели голову вождя племени, валяющуюся в грязи, но весь город был наполнен Мечом Благородства и атмосферой убийства, и это было невозможно отрицать.

Се Жунцзяо наносил удары мечом, и каждая линия света, исходящая от его меча, убивала того, на кого была направлена. Эта линия света была быстрой и острой, и иногда казалось, что она убивает слишком медленно, лишь слегка касаясь горла, сердца или жизненно важных точек. Кровь и осколки падали с меча на землю.

Часто одна линия света не успевала разгореться, как уже появлялась следующая, и казалось, что по дороге пролетел извивающийся дракон света.

Цзян Цзинсин действовал ещё более прямо. Каждый раз, когда он ударял, падала целая толпа людей, и те, кто преследовал их, замедлялись, пока они бежали через груды мягких тел. Затем преследователи снова ускорялись.

Этот цикл повторялся, и преследователи отставали всё больше, их количество заметно уменьшалось.

Цзян Чанлань, бежая, не забывал наблюдать за местностью и старался не задыхаться:

— Мы почти вышли из внутреннего города. Если закрыть ворота внутреннего города, это сможет ненадолго задержать солдат, и у нас будет достаточно времени, чтобы выбраться из внешнего города. Генерал Се должен быть уже близко. Проблема в том, что у ворот внутреннего города наверняка стоит сильная охрана.

Цзян Цзинсин понял:

— Не беспокойся об этом. Просто веди нас.

С этими словами он взмахнул рукой, и из его рукава вылетел Меч Бацзи.

Меч Бацзи вылетел из его рукава с такой скоростью, что мог сравниться с падающей звездой или молнией в облаках. Солдаты, охранявшие ворота, даже не успели понять, что это было, как

Меч Бацзи уже вонзился в ядро магической формации.

Магическая формация слабо вспыхнула, но даже не попыталась сопротивляться. Она была полностью разрушена этим незванным гостем.

Солдаты не успели пережить за формацию.

Когда Меч Бацзи летел, он превратился в тысячи мечей, которые обрушились, как ливень, предпочитая ударить одного человека несколько раз, чем оставить кого-то в живых.

Солдаты, охранявшие ворота, считали себя опытными и много повидавшими, но никогда не видели, чтобы кто-то так расточительно использовал свою энергию.

К тому времени, как преследователи добрались до ворот внутреннего города, магическая формация была разрушена, а солдаты мертвы.

<http://bllate.org/book/16198/1453748>